

Исаак Бронфман
Подснежник.
Стихи

**ИСААК
БРОНФМАН**

ПОД-
СНЕЖ-
НИК

С Т И Х И

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1965

К ПЕРЕВОДЧИКУ

Ты не шей мне новых
одеяний.

И тебе и мне они не в честь.

Ты не делай мне
благоддеяний.

Ты оставь меня таким,
как есть.

Невысок и рус,
закалки прочной,

С грудью, что кузнечные
меха.

Я сегодня с улицы рабочей
Завернул в горячий цех стиха.

И ко мне мои приходят
строки —

Шумный вихрь прожитых
мною дней.

С гулом тракторов
на солнцепеке,

С пеньем рельс
и звоном тополей.
Вот они — бессонными
ночами
В муках мной рожденные —
бери!
Но смотри моими ты глазами,
Сердцем ты моим, прошу,
смотри.
Спой, как я! И радость,
и улыбки,
И печаль мою испей до дна.
Пусть различны будут наши скрипки,
Но звучит мелодия одна.

К МАШИНИСТУ

На эхо боя под Карпатами
Состав отчаянно гоня,
Ты тяжкий хлеб делил с солдатами
У самой линии огня.

В часы бомбежки ожесточенной
Умел маневр предусмотреть,
И из-под рельсы развороченной
В твои глаза смотрела смерть.

В тылу ночами беспокойными
Заботой мучился одной,
Что, может, беден я обоймами
И грежу корочкой ржаной.

И ни усталости, ни хворости —
Сквозь вьюгу валенки мне вез,
И коченел на полной скорости,
Чтоб я в окопах не замерз.

Ты вез солдату письма мамины,
Связав железно фронт и тыл,
И вез ответ его из пламени,
Что жив и сердцем не остыл.

А кто доставил победителей
Домой? А кто через хребты
Везет заказы для строителей?
Герой мой, кто же, как не ты?

ГДЕ ОН, ЭТОТ СОЛДАТ?..

Где он,
парень,
что когда-то,
весь буржуйский род кляня,
завернул в шинель солдата
несмышлениша,

меня?

Сам, видать, с пеленок понял,
как сиротский хлеб горюч, —
и понес меня он в поле,
в рожь, высокую —
до туч!

А потом в палатке,
жжённой
солнцем,
ветром
и огнем,
угощал солдатской пшеникой,
чтобы помнил я о нем.

Август плыл шмелиным гудом
по-над степью молодой..
Улыбался белозубо
парень
в шлеме со звездой!
Этот шлем храню донныне,
вспоминая о бойце,
словно о любимом сыне,
словно о родном отце.
Где он, где он,
этот парень,
жив ли,
все ль еще в строю,
или пал,
как сотни пали,
он за Родину свою?..

ПРАГА

О, Злата Прага! Счастлив я и горд
Тебя увидеть с этой башни древней,
Мы шли к тебе не час, не день, не год.
И вот пришли. Каштаны мирно дремлют.

У ног твоих, струясь, бежит река.
Твой каждый дом поет и полон света.
О, Злата Прага, — вот моя рука.
На дружбу дай свою. Искрится лето
Звенящим смехом. Песенный прибой,
Как отзвук позабытой канонады.
О, Злата Прага, славлю я с тобой
Твоих сынов, что шли на баррикады.
Я вместе с ними плачу и смеюсь,
Когда я слышу звонкий голос детский:
— «Наздар» — земле с названьем гордым Русь!
«Наздар» — солдатам армии советской!
О чудо-город, как прекрасен ты.

Я шел к тебе сквозь гром
лихой атаки.

Я помню эти первые цветы,
Букетами лежащие на танке.
К земле твоей всем сердцем я прирос,
И здесь звучит знакомый миру голос...
То Ленин говорит — сквозь вихри лет и гроз
Пробилось слово, будто к солнцу колос.
Ильич... И, будто пламенный набат,
Передо мною оживают снова
Дни Пражской конференции.

Стоят

Большевики за ленинское слово...
О, Злата Прага! Счастлив я и горд
Тебя увидеть с этой башни древней.
Мы шли к тебе не час, не день, не год.
И вот пришли. Каштаны мирно дремлют.

ГЕШЕФТ

Мне с венграми досталось разделить
Победы радость.

Было все похоже
На то, что мне в тот день любой прохожий
Считал за долг улыбку подарить.

И я бродил, той радостью согрет,
По городку с беспечностью разини.
И подошел дорогой к магазину
По случаю нехватки сигарет.

А он являл собою пустоту,
Среди развалин чудом уцелевший.
Да, пуст был он.

Но за прилавком плешью
Поблескивал хозяин на посту.

Хозяин, — толст, в ермолочке и скор
В движениях —

развел руками: видишь...

На языке простого люда — идиш —
С хозяином заводим разговор.

На языке знакомом и веселом
Приветствие радушно звучит:
— Шолом алейхем, — мне он говорит.
И отвечаю я: «Алейхем шдлом».

— Откуда ж вы, позвольте вас спросить?
Какие ветры по миру носили?
— Как видите, хозяин, из России...
(Он на погоны глазом стал косить).

— Э-э-э, как же не слышали?
Мир болтлив,
Как тот раввин из нашей синагоги.
Мой дед едва унес оттуда ноги,
Когда еще, хи-хи,
я был соплив.

Вы скажете, он подобру сбежал?
Его богаче не было в Одессе!
А вы — откуда?
Извините, если...
— Есть город там такой — Биробиджан...
— Ах, — будто треснул на зубах орех, —
Туда же можно ехать на кончину!

Тайга, медведи, небеса с овчину...
Простите мне, хи-хи,
мой глупый смех...

И он, повеселев и поблажев,
Прошелся за прилавком, подбоченясь...
— Еще вопрос имею к вам, почтенный:
Какой вы там имеете
гешефт?

То на меня он весело глядел,
То зло —
на автоматную гашетку...
— Простите, — отвечаю, — но гешефтом
В знакомом идиш
я не овладел.

— Как можете шутить, — скривил он рот.
Но вот опять затараторил бойко,
— Мы магазин имеем?
Маслобойку?..

Чем делаем свой маленький доход?..

Тут я захохотал — о, бизнесмен!
Лицо дельца
враз вытянулось тупо.

— А мой гешефт понять вам недоступно!
Простите мне, — ха-ха! —
мой глупый смех.

Спросить позвольте: вы давно с Луны?
Я вижу бизнес вам проел печенку.
Вы все еще — хозяином лавчонки,
А я давно — хозяином страны.

Я — тракторист, хозяин. Я пашу —
И пышен хлеб мой
на столе Отчизны!
Вот это, я сказать вам должен,
бизнес.

О чем я, кстати, и стихи пишу.

О, у меня богаты закрома,
Засыпанные этими руками!
Но час пришел — бороться
с сорняками
Нас призвала История сама.

А как живем, так тот напрасен спор:
Что спорить, если прежде не увидишь?..
Тем кончился на языке,
на идиш,
Приятный обоюдно разговор.

* * *

Лес
В душу лез.
Он пах хвоею,
Гудел, раскачивался, чах
И небо светло-голубое
Держал на сгорбленных плечах.
Снег таял... И в его останки
Апрель вколачивал траву.
Мы отдыхали возле танков
И молча слушали Москву,
И сухари жевали с грустью,
В ручей макая их сперва,
И нам казалось — пахнут Русью
Простые русские слова.
За тридевятым перевалом
Осталась милая страна,
И в нашей памяти вставала
Родная наша сторона —
Деревней,

Улицей неброской,
Резной скамейкой у ворот
И той единственной березкой,
Что вечно в памяти живет.
И вдруг сигнальная ракета
Взметнулась каплей голубой
Над лесом.

Означало это:

Нам снова в бой!
Нам снова в бой!
За весны, что у нас отняты,
За все, что отдано войне,
За вас, погибшие солдаты,
Мы бьемся в дальней стороне.
За мир от края и до края,
За землю милую свою...

Мы взяли город у Дуная
В том наступательном бою.

ТУЛЬСКИЙ САМОВАР

Медно-рыжий,
крутобокий,
вот, где встретиться пришлось.
От родной земли
далеко,
кто сюда тебя
завез?

Он, пузатенький
и важный,
на столе пытит слегка,
Глажу ласково я
влажные
медно-красные бока.

И гляжу я,
как на чудо,
на его белесый пар.
— Эй, хозяин!

а откуда
в доме этом
самовар?

Жметя.

Что-то он не весел.
Как-то сразу вдруг увял.
— Ганс мой,
то ли из Одессы,
то ль из Киева прислал.

Говорит хозяин толстый:
— Не угодно ли чайку?
Мерзко мне его притворство.
Взять гранату бы, да просто —
громыхнуть, сорвав чеку...

— Ты моею кровью
хочешь
напоить меня,
фашист?
Страх его холодный корчит,
он дрожит,
как жухлый лист

— Говоришь, что из Одессы
чай прислал твой сын-бандит?
Я бы сам тебя повесил,

да присяга не велит!
Черт с тобой, живи, собака! —

Я шагаю за порог.
Всю войну прошел —
не плакал,
не сдержался тут,
не смог!

ИСПРАВЛЕННАЯ ОТМЕТКА

В детстве был учитель у меня,
Знающий, но очень уж суровый.
Недовольством сдвинутые брови
Памятны до нынешнего дня.

Помню, вызвал к карте: — Ну, дружок,
Покажи-ка Венгрии столицу...
И пришлось мне, помню, провалиться:
Отыскать столицу я не смог.
— Что ж, садись, — сказал он, — единица!

Прошумело много долгих лет.
Как-то в Будапеште, на привале,
Повара танкистам подавали —
В первый раз по-мирному. — обед.

Мой дружок, механик-сибиряк,
Помню, мне сказал тогда с улыбкой:

— Ты, земляк, не убивайся шибко,
Ты теперь в отличниках, земляк,

Не на карте, а в святом бою
Ты нашел венгерскую столицу.
Дома школу навести свою —
Пусть старик исправит единицу.

ФРОНТОВАЯ ДРУЖБА

Мне подушку кулак заменяет давно,
Покрывало — выдавшая виды шинель.
Только ночь фронтовая не балует сном,
А вздремнуть — всюду в поле найдется постель.

Улыбнулся во сне мой товарищ Василий,
Рядом с ним спят казах и грузин из разведки,
Чтоб не зябнуть, палаткой траву застелили...
Ночь. Вокруг тишина... А теперь это редко...

Завтра грохот и визг, завтра снова нам в бой.
Воля к скорой победе в сердцах, как патроны
в обоймах.

Радость и горе пьем мы из фляги одной,
И с врагом нашим общим бросаемся в бой мы!

И, глотая туман, горьковатый, как дым,
Мы прижались друг к другу тесней, словно дети.
Обогрела нас дружба дыханьем своим,
Будто мать, что пришла к нам в туманном
рассвете.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Как всеильна ты, память!..
Ты ведешь меня снова
фронтowymi путями,
опаляешь войною.
...Вот Мамаев курган.
Он в дыму и воронках.
Тут редуты врага,
фронта нашего кромка.
Сколько пало здесь рот
у святого подножья!
А сегодня падет
еще больше, быть может.
Понимает любой —
жертвам быть...
Но, однако,
мы готовимся в бой,
мы рванемся в атаку.
Дан приказ, это значит —
завладеем курганом:

потому что иначе
нельзя нам, нельзя нам!
...Как всеильна ты, память!
Ты ведешь меня снова
фронтовыми путями,
опалешь войною.
Вижу мой батальон
у сосновой опушки.
По нему с трех сторон
бьют фашистские пушки.
Как свирепы бои,
как сильна канонада!..
Но ребята мои
богатырского склада.
Бьют из танков в упор,
давят вражьи орудия,
грозен смелый напор —
славный акт правосудия!
Что-то сжалось в груди —
как осколки вонзились...
Где ты, мой командир,
где Баранов Василий?
Экипаж боевой,
коллектив соколиный?..
...Вот могила его,
на могиле калина.
Он сгорел вместе с танком
в схватке долгой и лютой...

Погребли мы останки
под раскаты салюта.
На могиле танкистов —
ромашки и розы,
над ее обелиском —
спокойные звезды.
...Перед братской могилой
снял я шапку свою.
Все задумчивым было
в этом мирном краю.
И промолвил я тихо:
«Дорогие ребята,
вы от черного лиха
все спасли, что нам свято.
Я души в вас не чаял
и люблю неизменно...
Я, друзья, обещаю,
я клянусь, как военный:
буду помнить о вас я
до конца и по-братски
и Отчизне родимой
служить по-солдатски».

НЕ ЗАБЫТЬ

Не забыть, не избыть
Той военной години.
Над окошком избы
Наклонились рябины.
Глухо брякнул засов,
Открываются двери.
В тихий дом я зашел
И глазам не поверил —
В трех колясках
Три мертвых ребенка лежат...
Сердце в бешеной пляске,
Сердце бросило в жар.
И над кровью их ран,
Что как гроздь рябин,
Я в рассветную рань
Разрядил карабин.
И пошел я по чёрным
Дорогам войны,
Каплей малой в упорном

Напоре волны,
Что слила воедино
Весь гнев и всю боль —
За ребячьи седины,
За проигранный бой...
Над туманами ранними —
Новых песен волна.
Незажившею раной
В моем сердце — война.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты помнишь,
  мой дом,
Мы простились с тобой.
Мы шли по земле
  из огня да в полымя,
Из боя —
  в другой, оглушающий бой,
И дым над землею
  был горше полыни.
Я шел, чтобы
  каждый росток уберечь,
Все травы,
  цветы и деревьев побег.
Так здравствуй!
  Настало опять
  время встреч.
Я — вестник победы,
  частичка победы.

Что, я изменился?

Ни слова в ответ.

Лишь добро скрипят

твои старые двери.

Ответишь, что «да» — я поверю, и «нет»,

И «нет» твоему

я, пожалуй, поверю,

Я тот же.

И так же, как прежде,

мой дом,

Горяч я и молод,

Хоть стал я мужчиной,

Хотя на лицо

своим грубым резцом

Война, не скупясь,

наносила морщины.

Слова эти я

сочинял и берег,

Но радостью скован

какой-то смешною,

Когда предо мною знакомый порог,

И стены, и окна твои предо мною.

ВАРЕЖКИ

На фронт мне раз
прислали варежки.

Я лучших в жизни не видал.

Но,

сердце словно согревающий,
Был безымянным этот дар.

Прошли года,

шаги печатая.

Эй, где ты, друг мой,

отзовись!

Обзаводился я перчатками,

Сносил я уйму рукавиц.

Все были хороши по-разному.

Но скажем,

прочим не в укор:

Те, видно, лучше были связаны.

Представьте — греют до сих пор.

ПТЕНЦЫ

Пальнул мальчишка из рогатки,
А я остановить не смог,
Я не успел,
        из птичьей хатки
Упал бесформенный комок.
Быть может,
        стать пора умнее
И горевать не стоит мне,
Что птицей меньше стало в небе,
Что песней меньше в вышине!
Но разве дело в сантиментах?
Такая боль во мне была,
Как будто пуля в сантиметре
От сердца моего прошла.

А там, на ветке, есть хотели —
Куда же подевалась мать? —
Птенцы отчаянно галдели,
Смерть не желая понимать.

И я припомнил все сначала,
И я припомнил детство вдруг,
Как пуще хлеба

не хватало

Мне светлых материнских рук.
Я сыт по горло горем этим.
Не потому ль теперь и сам
Я до смешного ласков к детям,
Неоперившимся птенцам.

ДВЕ БЕЛЫХ РОЗЫ

Две белых розы в комнате моей.
Красив и нежен грустный их наряд.
Две розы у меня,
и много дней
Они, как два светильника, горят.

Их поливаю чистой водой,
Слезами — с тишиной наедине.
Мужчины, что не плачут над бедой,
Пусть будут справедливыми ко мне.

Я двух сестер лишился в ту войну,
Над страшным гетто долго стлался дым.
И эти подцветочки к окну
Поставил я, как памятники им.

Заходит солнце. Время поливать.
Нам надо жить —
любить сестер своих,
Погибших никогда не забывать,
И охранять,
и охранять живых...

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ

Довелось поэту на веку
испытать фашистский ад Освенцима.
Видел человечью он реку,
в лагерь загоняемую немцами.

Не однажды слышал стон и плач
женщин, обреченных на сожженье.
На его глазах стрелял палач
по детишкам, словно по мишеням.

Сам поэт был к смерти присужден,
но остался жив каким-то чудом...
Много лет минуло с тех времен,
с той поры, как вышел он оттуда.

Поседел, согнулся мой сосед,
на лицо его легла суровость...
Плодотворно трудится поэт,
но о черном лагере — ни слова.

— Почему, — спросил я у него, —
ты об этом ничего не пишешь?

И сказал он хмуро:

— Для чего?

Не хочу я караульных вышек

и собак охранных вспоминать,
не желаю беречь я раны...

И стихи слагаю, старина,
про любовь и башенные краны.

Созиданье — вот в чем жизни суть.

А любовь и жизнь неразделимы.

Потому в редакции несу

я стихи и песни о любимой.

СЫГРАЙ МНЕ, НЕХАМЕЛЕ!

Несложного напева повторенье...
Я дочери соседа говорю:
— Играй! Тебе всегда я отворю
Скрипучие врата стихотворенья.
Нехамеле,
        сыграй на скрипке снова!
Тебе я в стену
        грозно не стучу,
Я по складам
        мелодию учу,
Чтоб сочетались музыка и слово.
Без музыки бы души онемели,
Искусство омертвело бы тотчас.
Когда вбегают песенка, лучась, —
То праздник настает среди недели!
Нехамеле, нет лучшего в природе,
Чем эта дружба скрипки и смычка!
Я вижу: наполняется строка
Сиянием и трепетом мелодий...

ПОДСНЕЖНИК

Со мной сегодня говорил подснежник,
насмешник,
молодой весны приспешник...
Манил,
молил:
— Сорви меня скорее!
Согрей меня,
и я тебя согрею...
Так мне сегодня говорил подснежник.
К нему склонился,
Словно к колыбели
Впервые мать склоняется,
робея,
и услышал,
как тоненько и нежно
о молодой весне поёт подснежник...
Мне о весне сегодня пел подснежник!
Просты слова той песни
и красивы,

как реки,
набирающие силу,
как молодая зелень
всходов вешних,
как ждущий птиц
веселый дом-скворешник.
Мне о весне сегодня пел подснежник!

БЕССМЕРТИЕ

Я — у братской могилы
на станции Ин.
С неба пухлыми хлопьями
падает снег.
На висках оседает он
прядью седин.
И слезой на щеке
оставляет он след.

Ветер тихо
забытые песни поет.
Прогрохнет состав —
будто гром прогремит.
В каждом камне
тут слава героев живет.
Эту славу здесь
каждый распадок хранит.

В пенье ветра
мне чудится голос бойца,
Поднимающий в бой
поредевший отряд.
Слышу — кличет Шевчук:
— Тут стоять до конца!
Вижу: буйным пожарищем
зори горят.

Через станцию мчится
тяжелый состав —
или то бронепоезд
уходит в дозор?
Мерно бьется
о рельсы колесная сталь.
И суров машиниста
пронзительный взор...

Я — у братской могилы.
И кажется мне,
шепчет ветер,
что было ненадолго стих:
«В нашем нынешнем дне,
в нашем завтрашнем дне
их бессмертие,
слава крылатая их!»

ДИВО ЖИЗНИ

Ломая лед, беснуется река
и словно распирает берега —
свободный путь ей нужен позарез...
А гул реки разносится окрест.
И, голову невольно обнажив,
гляжу я на крутые виражи
водоворотов и скрипучих льдин...
И сердцу хорошо стучать в груди.
Хотя и дожил я до седины,
меня волнует вновь приход весны,
боренье сил, природы торжество
и эта синева над головой
с потоком животворного огня,
что солнце низвергает на меня.
Несу в руке я легкое пальто,
и грудь переполняет мне восторг.
И возрожденным далям дорогим
я про себя пою
сердечный гимн.

Невзгод немало за моей спиной.
Я перенес с родимой стороной
и тяжкий труд и горькие бои...
Потом о них слагал стихи свои.
Я воспевал весну, боренье сил
и ту любовь, что в сердце я носил.
И чувствую, чем дольше я живу,
тем больше дива вижу наяву.

УЛИЦА ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

...Мне дорог этот город.
Люблю гудков его
Рассветный говор,
И звон Биры,
И сумерки аллей —
Здесь я встречаюсь
С юностью моей.
И часто снятся мне
Костры и ливни,
Гул тракторов
И перебранка пил.
Легли проспектов
Солнечные линии
В местах,
Где зверь таежный воду пил.
И не жалею,
Что кирпичиком здесь лег я
Вот в эти мостовые
И дома.

Взметнулся город
Птицей-песней легкой,
И я шепчу
Шолом-Алейхема слова:
«Смеяться здорово,
Врачи велют смеяться!»
На площадях цветет сирень, акация.
Шолом-Алейхем —

это значит

«Мир вам!»
Что может быть дороже
Этих слов!
Мой город спит
Под небосводом мирным,
Укутанный таинственностью
снов.

Шолом-Алейхем —
Звонкий мастер слова —
Любил людей.

И был любим он ими.
Сегодня мы встречаемся
С ним снова
На улице,
Носящей это имя.

Здесь поднялись дома
До неба синего,
Здесь встали корпуса
Заводов новых.

Живут здесь люди
Честные и сильные —
Строители
Невиданнейшей нови.
Когда рассвет
Крыло зари расправит
И приподнимет
Черный полог ночи,
Ему навстречу
Двери открывает
К станкам своим спешащий
Люд рабочий.
О, если б мог
Шолом-Алейхем видеть,
Как труд их светел,
Радостен и славен.
Он — вечно молодой
Смешливый витязь,
Великой Песнью
Песней б их прославил.
Над городом —
Распахнутые дали...
Шолом-Алейхем, люди!
Мир вам, люди!
И улице мы это имя дали —
Она достойна.
И всегда так будет!

МОИ КРАИ

Закат догорает на гребнях Хингана,
и степь приделась в вечернее платье.
Скирда уже кажется скифским курганом,
и горизонт свои сузил объятья.

Мы едем неспешно на «газике» с поля,
порой о крыло задевают колосья,
и словно о чем-то мечтают раздолья,
и будто скрипят в отдаленье полозья.

А может быть, сельские это криницы
поют, наполняя тяжелые ведра,
и люди к ним с поля подходят напиться,
чтоб жажду унять и почувствовать бодрость.

Так, помнится, было в селе на Украине,
где рос я когда-то, учился, работал,
но с краем родным я расстался и втайне
о нем тосковал
в приамурских болотах.

С тех пор утекли уже десятилетия,
в суровую почву, как дерево, врос я,
на этой земле родились мои дети,
как эти, возвращенные мною, колосья.

Смотрю я: рогатая телеантенна,
взобравшись на крышу, звезду задевает.
И слышу: динамик поет вдохновенно,
и песня над степью летит, как живая.

Ты новую свою и знатен и славен
и прошлым геройским,
завидной судьбою...

Как ты неотъемлем от нашей державы,
так я неразлучен навеки с тобою.

ТЕТЯ КАТЯ

Знаю, сорок лет уж фотоснимку,
И глядит из времени того
Тетя Катя — с мальчиком в обнимку —
Добрый ангел детства моего.

Как тогда, в глаза мне смотрит прямо,
Строгий друг, орлица над гнездом,
Мама всем, кому Россия мама
И детдом — семья и отчий дом.

Помню Буг, и гибких веток взмахи,
И мягка тропинка в резеде;
Сонных верб зеленые рубахи
В голубой полощутся воде.

Я иду под солнышком нездешним
С тетей Катей, стройной, как лоза;
Девичьи, подобные черешням,
Матерински светятся глаза.

Не у каждой матери о сыне
Сердце так печется — а она
Голову мне мыла — и поныне
Ласки голова моя полна!

Год двадцатый, дней моих начало.
Где найду отца и мать свою?
Спрашивал — мне песня отвечала,
Песня о погибших в том бою.

Песню эту пела тетя Катя.
Седенькая, где теперь она?
И жива ли? Дремлет на закате?
Может, ждет кого-то у окна?

ЖИВОЙ РОДНИК

Вот снова я моюсь
Целебной кульдурской водицей,
Горячим туманом
Встает над источником день.
Склоненная ветка
В бегучие струи глядится,
Легка и приятна
Ее благодатная тень.

Я вижу оленя,
Того, из старинных сказаний,
И отзвук я слышу
Его притомленных шагов...
Вот вылечил раны он,
Вот он, стремительный, замер,
Вот поднял в прыжке он
Корону ветвистых рогов...

Родник! Расскажи мне,
А сколько с тех пор пролетело
Суровых и славных,
И черных и светлых годов?
...Вот силой оленьей
Мое наливается тело,
Готов я к полетам,
К нелегким походам готов.

Поэзия, жизнь моя!
Будь как целебный родник,
Который повсюду
Для счастья людского открылся.
Хочу, чтобы всякий,
Кто раз к тебе с жаждой приник,
Навек от недугов души исцелился.

МЫ ЕДЕМ ВДВОЕМ

Полоска зари
Над вечерним Хинганом,
И тянутся тени
Из сумрачных релок...
Доверив дорогу
Усталым буланым,
Вдвоем возвращаемся
С поля в поселок.

Налево — стеною
Хлеба золотые,
Направо — баштаны,
Арбузы в полпуда,
А там — помидоры
Висят налитые
На гибких подпорках,
Как сладкое чудо.

Мой спутник — с далекой
Полтавщины родом.
Но будто бы здесь,
На Хингане, родился.
Он долгие годы
Полям этим отдал,
На них колдовал,
Бедовал и гордился.

Он яблоко подал,
Достав из кармана:
— Вот это — из сада,
Что вырос у релок...
Тускнела полоска
Над гребнем Хингана,
Навстречу — огнями
Светился поселок.

* * *

Ничьи в долину не вели следы.
Доносит ветер рокот водопада.
Присядь со мною, говорить не надо,
Давай споем под музыку воды.

Пусть нашу песню слушают цветы,
Девичий голос жадно ловят птицы,
Им у тебя полезно поучиться...
Никто здесь не был —

только я и ты.

Дрожат росинки на ресницах трав,
В них маленькие радуги играют.
Восторженно глаза твои сияют,
Всю красоту весны в себя вобрав,
Ты улыбнулась, словно кто позвал,
Меня, родная, это не тревожит:
Другой влюбленный звать

тебя не может —

До нас никто в долине не бывал.

У ТЕПЛОГО ОЗЕРА

Заря над близкими горами
С востока тянет невода.
И в темных зарослях, как в раме,
Мерцает тихая вода.

И рыбовод, глаза-озера,
Девчонка, речь со мной ведет:
— Что привлекает ваши взоры,
Что манит вас на наш завод?

Должно быть, любите природу,
Чудесный этот уголок?
А посмотрите глубже в воду:
Там жизни светится поток.

Там крошки-рыбки, видишь еле,
Пройдут в морях огромный путь,
Чтоб здесь, у детской колыбели,
Состарясь в странствиях, уснуть...

Я слушал девушку с улыбкой,
И в бликах трепетных она
Казалась мне прекрасной рыбкой,
Хозяйкой солнечного дна.

И к юной зависти не пряча,
Сказал я в шутку и всерьез:
— Мне с вами дышится иначе,
Хотя годами я оброс.

Когда б они, как рыбки эти,
Могли с водой уйти в моря,
Когда б однажды на рассвете
Вернулась молодость моя!
О сколько дел в моей стране!
О столько б молодости мне!

ПАМЯТЬ

Эм. Казакевичу

На полке, где рядком — Толстой и Горький,
Ее не так-то просто разыскать,
Книжонку в плотных темно-синих корках
С названьем кратким «Синяя тетрадь».

Домашние уснули. Ходит полночь,
Чуть слышно половицами скрипя.
Читаю я. А строки света полны.
Мне не уснуть, хоть все давно уж спят.

Я радуюсь вдвойне за книгу эту.
Причина есть. Горжусь не просто так —
Она о том, кто возродил планету,
И написал об этом мой земляк.

...Мальчишкой он приехал в край далекий.
За стеклами очков глаза тихи.

Рубил тайгу, ронял стволы в осоки
И на еврейском сочинял стихи.

Его мы Эмкой просто называли,
А он, глядите-ка, куда шагнул.
Звездю яркой вспыхнул на привале
Под непрерывный орудийный гул.

А как смеялся! Ах, как он смеялся!
Такого смеха не забыть вовек.
Таким в моей он памяти остался,
Простой и скромный этот человек.

А сердце друга больше не разбудишь.
Текут чредой грохочущие дни.
Но вечным ему памятником будут
На наших полках книг его огни.

ТЕПЛООЗЕРСК

Горы то синеют тут от холода,
То залиловеют от багульника.
На вершинах, веселы и молоды,
Ветры стали на постой разгульные.

И когда рассветами безлюдными
Горы выплывают из тумана,
Мне они вдруг кажутся верблюдами,
В дальний путь идущим караваном.

Вот они с горбов своих стяхнули
Ключья ночи и росы осколки.
И гудки натруженно вздохнули,
Заливая улицы поселка.

Этот зов падет, как камень в воду,
Солнечным лучом в пчелиный улей.
На него со всех сторон к заводу
Потечет народ по руслам улиц.

Так, по зернам собранный, по крохам,
Караваем хлеб на стол ложится.
В их сердцах — гигантских мельниц грохот,
Жар печей позолотил их лица.

Голубыми всполохами сварки
В небе звезды отцветают колкие.
Я люблю наряд его неяркий,
Деловую будничность поселка.

Затесавшись в утренние толпы,
Радость, как подарок, принимаю.
Почему зовут поселок Теплым,
Я теперь отлично понимаю.

КОСАРИ

Три косаря сидят под стогом,
А луг порывом ветра смят.
По голубеющим отрогам
Густые сумерки скользят.

Плывет луна.

Мигают звезды.

И вечер падает на луг.

— Эх, красота! А воздух! Воздух! —
один из них промолвил вдруг.

Второй добавил: «Прелесть просто!»

А третий: «Чудо!»

И опять

В молчанье трепетном и остром
Царит земная благодать.

Сгустилось небо грозное,
Зарницы вспыхнули вдали.
Как три солдата после боя,
Сидят под стогом косари.

УТРО

Семью цветами радуги
Небо опоясано.
Солнечная радость
Прянет через прясла.

Каждая травинка
В бисере росы.
Колос расправляет
Пышные усы.

Дышит зноем лето
И глядит светло.
За речною лентой —
Тихое село.

На крыльцо выносит
Мальчугана мать,
Чтоб над миром росным
Солнце повстречать.

Над лесной опушкой —
Розоватый свет.
Насулит кукушка
Парню много лет.

В небе запоздалый
Огонек потух.
В солнечные дали
Выстрелил пастух.

И за синей гранью,
Стайкою галчат, —
Свежие, ранние
Голоса девчат!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Из еловых веток
Сплела тебе зыбку,
Нянчил тебя ветер
Над зеленью зыбкой.

И ночные птицы
Песни тебе пели.
Почему не спится
На мягкой постели?

Хороводом белки
Вкруг костра кружили,
Чтобы злые звери
Тебя не будили.

Корчевали пни мы,
Сосны мы валили,
Чтобы все ребята
В светлом доме жили.

Средь болотных кочек
Вырос этот дом.

Сладко спишь, сыночек,
Ты сегодня в нем.

Спят в горах Хингана
Плюшевые мишки,
В Африке далекой —
Глупые мартышки.

На колхозной ферме
Спят уже телята,
И давно уснули
Крошечки-цыплята.

За синим окошком —
Лунные дорожки,
Звезды, будто бусы,
В небе черном-черном.

Ходики на стенке
Ритм считают четко.
Чтобы рос скорей ты,
Мой лобастый пареньь.

Чтоб взлетел в ракете,
Как Юрий Гагарин.
Баю-баю-баю,
Баюшки-баю.

Я тебя качаю...
Спишь, сыночек?

— Сплю!

ДОЧЕРИ

Только земля бы
  не ведала горя,
Только бы небо сиренью цвело...
Ты одолеешь высокую гору
Вьюгам и собственным страхам назло.

Мир оглядишь с высоты перевала
И на вершине,
  на той крутизне,
Вырубíš в камне
  цветок небывалый —
Дар свой природе,
  и людям,
  и мне.

Я проложил тебе стежку.
  Спокойно,
Смело вперед.
  Без оглядки иди.

Только тропы не ищи ты окольной,
Только у моря погоды не жди.
Только люби свою отчую землю,
Только обуздывать сердце умей.
Пусть проводник — твоя совесть —
не дремлет:
Кто приведет тебя к цели прямой?

НА ЖЕЛЕЗНОМ МОСТУ

У моего народа есть поверье —
Коль радостен и полон сердца
  стук,
— По жизни, — говорят, —
  идешь уверенно,
Как будто по железному мосту.
Бира ломает лед.
И вал отчаянный
Лохматой пеной берег
  захлестнул.
Я на мосту. Я здесь,
  друзья, встречаю
Свою пятидесятую весну.
Виски седые мне пригладил
  ветер
Весенней,
                        талой свежестью хмельной.
И хочется кричать, чтоб все
  на свете

Услышали звенящий голос
мой:

— Привет весне,
творящей ледоходы,
Сжигающей снега, крутую
стынь!

Полвека мне.
Но гори поет походы,
Ждут новые железные
мосты!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К переводчику. Перевод А. Рыбочкина	3
К машинисту. Перевод А. Рыбочкина	5
Где он, этот солдат?.. Перевод Р. Казаковой	7
Прага. Перевод В. Соломатова	9
Гешефт. Перевод М. Асламова	11
«Лес в душу лез». Перевод В. Шульжика	15
Тульский самовар. Перевод В. Соломатова	17
Исправленная отметка. Перевод С. Смолякова	20
Фронтальная дружба. Перевод Д. Шавера	22
Незабываемое. Перевод Ф. Архипова	23
Не забыть. Перевод В. Соломатова	26
Возвращение. Перевод Р. Добровенского	28
Варежки. Перевод Р. Добровенского	30
Птенцы. Перевод Р. Добровенского	31
Две белые розы. Перевод А. Рыбочкина	33
Разговор с поэтом. Перевод Ф. Архипова	35
Сыграй мне, Нехамеле! Перевод Р. Добровенского	37
Подснежник. Перевод Р. Казаковой	38
Бессмертие. Перевод В. Соломатова	40
Диво жизни. Перевод Ф. Архипова	42
Улица Шолом-Алейхема. Перевод В. Соломатова	44
Мой край. Перевод Ф. Архипова	47
Тетя Катя. Перевод А. Рыбочкина	49
Живой родник. Перевод С. Смолякова	51
Мы едем вдвоем. Перевод С. Смолякова	53
«Ничьи в долину не вели следы». Перевод Н. Фи- липкиной	55

У Тепло́го о́зера. Перевод А. Рыбочкина	56
Память. Перевод В. Соломатова	58
Теплоозерск. Перевод В. Соломатова	60
Косари. Перевод В. Соломатова	62
Утро. Перевод В. Соломатова	63
Колыбельная. Перевод В. Соломатова	65
Дочери. Перевод Р. Добровенского	67
На железном мосту. Перевод В. Соломатова	69

Исаак Львович Бронфман

ПОДСНЕЖНИК

Хабаровское книжное издательство,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Редактор А. В. Семенов.

Художник П. К. Пустовой.

Художественный редактор А. В. Колесов.

Технический редактор М. Д. Кайдалова.

Корректор А. С. Лерман.

*

Сдано в набор 2/II 1965 г.

Подписано к печати 22/IV 1965 г. ВЛ 01802.

Бумага 60 × 84/32 = 1,125 б. л., 2,054 п. л.,

1,77 уч.-изд. л.

Заказ № 596. Тираж 3000 экз. Цена 9 коп.

*

Типография № 1 Краевого управления по печати,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.